В этой главе есть несколько более существенных изменений, на которые следует обратить внимание. Некоторые из них могут быть небольшими, но все они были сделаны не просто так и станут значимыми.

Кроме того, у меня возникло несколько действительно интересных идей относительно того, что я хочу сделать с этой историей и куда я хочу ее завести. Так что, скорее всего, это будет довольно длинная история.

==========

' Кушина '

...

На мгновение Кушина замерла, глядя, как ее драгоценный сын Наруто выбегает из комнаты. Кушина не знала, что ей делать.

Последние несколько лет Джирайя предостерегал их от откровенности с Наруто, твердо уверяя, что дать ему ложную надежду во много раз жесточе, чем просто быть с ним честным.

Но как можно было сказать ребенку, что он никогда не сможет осуществить свою мечту и что он не по своей вине слишком слаб, чтобы делать то, что делают все остальные члены его семьи.

Несмотря на все, что произошло с Кюуби, день рождения тройняшек был лучшим днем в ее жизни, это был день, когда она стала матерью. И даже этот проклятый Лис, потерявшийся в доме, не мог испортить этого, что бы ни думали другие.

Но, к сожалению, ее счастье длилось недолго.

Прошла примерно неделя, прежде чем они заметили, что с Наруто что-то... не так. Он питался так же, если не больше, чем его сестры, но, несмотря на здоровый аппетит, не набирал вес.

Его детский жир с каждым днем все больше и больше таял, а крики от дискомфорта не прекращались.

Дошло до того, что пришлось вызывать врачей, и когда они провели обследование, то обнаружили, что сердце Минато и ее самой разбито. Два года, три, если повезет.

Именно столько ему отводили врачи, но и это при том, что ее малыш жил в больнице с капельницей, подключенной к его крошечной руке, и питательные вещества постоянно поступали в его организм, а он не мог их переработать.

Когда он находился в больнице, они оба навещали его каждый день, а Кушина практически переехала в больницу вместе с девочками на эти три года. Если бы не дежурство, Минато был бы рядом с ней, но они обходились тем, что он находил время навещать ее хотя бы раз в день.

Кушина каждый день наблюдала за тем, как ее ребенок, казалось, все больше и больше увядает, становится все более худым и слабым с каждым днем. Он был таким маленьким, лежа на больничной койке, хрупким... как стекло.

Да, первые несколько лет были очень тяжелыми.

И вот настал день, когда врачи сообщили ей, что, несмотря на все шансы, Наруто дожил до

того срока, который врачи назвали "опасным". Самое страшное осталось позади, и, хотя он никогда не будет полностью здоров, она впервые за много лет смогла забрать его домой.

Это должно было стать началом чего-то лучшего, они наконец-то снова стали настоящей семьей.

Но Мито и Эрза нуждались в обучении, в тренировках, которые помогли бы им подготовиться к общению с Лисом. Эрза сразу же показала, что у нее есть та самая кровная линия Узумаки, которой обладала и Кушина, - Твердая Чакра, и за эти годы Эрза продемонстрировала такое понимание и мастерство в ней, какого у самой Кушины никогда не было.

Кушина могла использовать ее для создания цепей с лезвием на конце и даже научилась подавлять чакру любого, кто попадался ей под руку. Но Эрза пошла еще дальше: ее девочка, казалось, могла сделать с их помощью практически все, что угодно, включая настоящую броню.

Другая её дочь, Мито, хоть и родилась без линии крови Узумаки, постепенно превращалась в очень приспособленного к жизни шиноби сенсорного типа. Если Эрза нашла свою страсть в кендзюцу, то Мито - в фуиндзюцу.

Как и ее отец, она была очарована печатями всех видов, изучала их, разбирала на части, чтобы понять, как они работают.

В сочетании с растущим мастерством в Тайдзюцу это дало Кушине понять, что в один прекрасный день она станет очень сильной куноичи, впрочем, как и обе её девочки.

А вот Наруто... Иногда бывали дни, когда он не мог спуститься по лестнице без сил. Одна только мысль о том, что он держит в руках кунай, приводила её в ужас, не говоря уже о том, чтобы тренироваться с ним. Но когда он увидел, как тренируются его сестры, он захотел присоединиться к ним, Кушина видела это по его лицу. Наруто хотел стать ниндзя, а ее маленький болезненный мальчик...

И Кушина, и Минато знали, что если он попытается открыть свою чакру, его слабое маленькое тело может просто сломаться от напряжения, не говоря уже о том, чтобы попытаться использовать ее.

Поэтому они пытались выиграть время, объясняя, что не могут тренироваться, так как вместо этого им нужно сосредоточиться на подготовке его сестер из-за Лиса.

Они просто хотели подождать, пока он станет старше и взрослее, может быть, тогда он сможет понять, что просто не может быть шиноби.

Но Джирайя был прав, даже несмотря на то, что в тот момент она была достаточно зла, чтобы убить его, Кушина знала, что он прав. Продолжать лгать Наруто было неправильно, так что, возможно, сказать ему правду было бы добрее в долгосрочной перспективе.

Он с самого начала предупреждал их, что давать Наруто ложную надежду - это не доброта, и что он не согласен с тем, что они делают.

Он даже предложил помочь Наруто открыть чакру, сказав, что это может помочь укрепить его тело, если не убьет его. Но Кушина не захотела рисковать, и на этом остановилась.

Поэтому Джирайя всегда держался на расстоянии от Наруто: тот не хотел ему лгать, но в то же

время понимал, что не вправе идти против них обоих, ведь они его родители. Кушина также знал, что если бы Наруто попросил его, то старый извращенец с радостью бы его обучил, и поэтому старался держаться на расстоянии, чтобы избежать этого.

Однако сейчас все это ничего не меняло, как и то, что ее сын выбежал из комнаты в слезах и с разбитым сердцем.

Бросив взгляд на легендарного шиноби, Кушина дождалась, пока он вздрогнет и стыдливо отвернется, и побежала за сыном. Уходя, Кушина слышала, как Минато извинялся перед гостями, а потом сказал, что вечеринка окончена.

' Наруто '

...

Когда Наруто добрался до своей комнаты, слезы сменились оцепенением, а лицо превратилось в невыразительную маску, и он сел на кровать. В голове все еще звенели слова Джирайи, повторяясь снова и снова. 'Ты никогда не станешь ниндзя, ты никогда не станешь ниндзя, ты никогда не станешь ниндзя'.

Но все это лишь подтвердило то, что Наруто уже знал: семья считала его слабым. Что они лгали ему годами, и что на самом деле они никогда не собирались обучать его, как Мито и Эрзу, никогда.

Слегка прищурившись, Наруто тряхнул головой, думая, что сейчас снова начнет плакать, но не заметил, что зрачки его глаз продолжали кровоточить, а затем снова уменьшались.

Наруто рассеянно погладил кунай, который все еще лежал в кармане, провел пальцем по острию и мысленно отметил, что его нужно заточить.

Он уже собирался достать его, когда почувствовал, как чья-то чакра снизу отделилась от остальной и начала подниматься по лестнице, и звук шагов вскоре достиг его ушей.

Если бы у Наруто было больше опыта, он мог бы определить, что это было, только по чакре, но пока он мог только сказать, что кто бы это ни был, у него было много чакры.

Долго ждать ему не пришлось, потому что через минуту в дверь тихонько постучали, затем она слегка приоткрылась, и в проеме показалось лицо матери. Наруто не включил свет, когда входил в комнату, поэтому свет из коридора пробивался сквозь темноту комнаты, заканчиваясь у его ног и оставляя остальное тело в тени.

Но, несмотря на то, что его лицо было скрыто, Наруто отчетливо видел обеспокоенное лицо матери, ее глаза каким-то образом находили его глаза в темноте, хотя она и не могла их видеть.

Она так и не решилась войти в его комнату, стоя в дверях и пытаясь прищуриться, пока рука тянулась к выключателю. Наруто уже несколько дней назад вынул лампочку из розетки и вздохнул.